

«ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ПРОСТО БАБУШКОЙ». СТАРЕНИЕ, ЭЙДЖИЗМ И СЕКСИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Юлия Зеликова

Юлия Зеликова, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Адрес для переписки: РАН-ХиГС, Средний проспект В.О., 57, ком. 304, Санкт-Петербург, 199178, Россия. zelikova-ya@ranepa.ru.

В современном российском обществе доминирует дискурс, где старение оценивается как поражение человека, а способность скрывать физические и телесные признаки своего возраста определяется как успех. Пожилой возраст часто конституируется в общественном сознании как возраст снижения: снижения способности к обучению, физической привлекательности, желаний, активности и т. д. Ограничивающие поведение пожилых людей социальные нормы следует определять как эйджизм. Спротивление эйджизму, то есть сопротивление ограничивающим социальным конструктам, очень важно для благополучия в пожилом возрасте.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть старение в современной России как многомерное явление, состоящее из определенных правил и практик. Возможно ли сопротивление негативному дискурсу старения, связанному со снижением? Как бы могло проходить старение в условиях хотя бы частичного освобождения от негативных социальных представлений о возрасте?

Данное исследование выполнено в качественной парадигме. Эмпирический материал составляют 18 глубинных нарративных интервью с пожилыми людьми (10 женщин и 8 мужчин) в возрасте от 60 до 86 лет. Результаты исследования показывают, что существующие в обществе нормы и правила старения связаны с исключением пожилых людей из публичной сферы и дискриминацией в приватной сфере: ограничением дееспособности пожилых людей, их самостоятельности и способности определять цели своих действий и совершать эти действия ради собственных интересов. Данные нормы и правила усваиваются пожилыми людьми, что приводит к их самодискриминации и воспроизводству эйджизма.

Ключевые слова: старение; эйджизм; социальная геронтология; конструирование тела

Классическую формулировку эйджизма дал Роберт Батлер в своей работе «Age-Ism: Another Form of Bigotry». Он писал, что «эйджизм – это стереотипное отношение и систематическая дискриминация людей, потому что они старые» (Butler 1969:243). Батлер специально подчеркивал, что эйджизм – это такое же явление, как расизм и сексизм. Поэтому эйджизм – это не только стереотипы и предрассудки, но и исключаящее поведение (Calasanti 2016). Исключение из

статусных групп, ограничение доступа к ресурсам, препятствие определенным занятиям, снижение статуса и т. д. Важно понимать, что такое исключение происходит из-за структуры общества, а не в результате индивидуальной деятельности или личной неудачи человека (Gibson 1998). Таким образом, дискриминация по возрасту – это не только предубеждения, она ограничивает жизненные шансы, снижает качество жизни пожилых людей.

В современном обществе старение определяется скорее культурой, чем биологией, скорее убеждениями, традициями, обычаями, чем телесными изменениями (Gilleard and Higgs 2000). Иначе говоря, старение – это процесс, который во многом определен и детерминирован социальными институтами. Социальные институты создают основу для определения таких понятий, как «молодость», «средний возраст» или «старость» (Schaie and Achenbaum 1993). Далее они приписывают для созданных категорий нормы поведения, критерии успешности и соответствия общественным ожиданиям (Estes and Binney 1991; Featherstone and Wernick 1995). Пожилой возраст часто конституируется как возраст снижения: снижения умственных и когнитивных способностей, физической привлекательности, желаний, активности и т. д. (Gibson 2000). В той или иной степени институты стремятся ограничить пожилого человека в праве самому распоряжаться своим телом, определяя нормы поведения и правила для внешнего вида, формируя образ успешного старения, исключая пожилых людей из публичного пространства, предназначенного для развлечений, осуждая интимные связи, особенно с более молодыми партнерами, и требуя от пожилых людей реализацию собственных ожиданий.

Телесные и поведенческие нормы, которые определяются только возрастом, следует определять как проявление эйджизма (Twigg 2004). Сопrotивление эйджизму, то есть сопротивление социальным конструктам, очень важно для самочувствия пожилых людей, особенно пожилых женщин, потому что общество предъявляет разные стандарты телесного поведения для пожилых мужчин и пожилых женщин (Katz and Calasanti 2015; Sontag 1972). Последние оказываются в условиях двойных стандартов и испытывают двойное давление со стороны общества (Calasanti, Slevin, and King 2006). Эти двойные стандарты следует определять как сексизм (Twigg 2000).

В российском обществе распространены негативные стереотипы по отношению к пожилым людям (Григорьева и Келасьев 2017; Смирнова 2008). Ряд исследований показывает, что пожилые люди в России в целом ассоциируются со слабостью, низкими возможностями к изучению и пониманию нового, склонностью к нематериальным ценностям, с догматизмом и нежеланием выходить из зоны комфорта (Лемиш 2015). Весьма показательны результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) несколько лет назад, в ходе которого на вопрос «Какие чувства Вы обычно испытываете, когда видите пожилого человека?» 38% респондентов ответили – жалость (Хоткина 2013).

Несмотря на то, что старение – социально сконструированный процесс, невозможно отрицать, что мы стареем в наших собственных телах (Tulle-Winton

2000). Независимо от того, насколько хорошо мы понимаем механизмы общественного давления и то, как действуют силы социального контроля, хронологический возраст важен для нашего переживания старения. Однако возникает вопрос, как могло бы проходить старение, если мы хотя бы частично освободились от негативных социальных убеждений по поводу возраста.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать старение в современной России как явление, которое состоит из правил (формальных и неформальных) и практик (принудительных и добровольных); показать, как в пожилом возрасте происходит принуждение к телесным практикам, которые дискриминируют пожилых людей, особенно пожилых женщин.

ТЕЛО И ВОЗРАСТНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ

Несмотря на то, что тело и телесность широко обсуждаются в социологии, эти понятия очень редко дискутируются в рамках социальной геронтологии (Gilleard 2002). Социальная геронтология развивалась под большим влиянием феминистской теории, а в феминистской литературе тело рассматривается в исследованиях репродуктивной политики, телесной презентации, моды, сексуальности, в рамках queer-исследований и т. д. (Brook 1999; Williams and Bendelow 1998). Старение не было частью этого курса.

Второй причиной отсутствия стареющего тела как объекта в исследованиях социальной геронтологии было то, что теории социальной геронтологии противопоставляли себя биологическому детерминизму и настаивали на том, что пожилой возраст следует понимать скорее с социальной, а не с физиологической точки зрения (Oberg 1996). Он рассматривался как социальный конструкт, как результат влияния социальных факторов, таких как пенсионный возраст или возраст дожития, а не результат физиологии (Estes and Binney 1989; Phillipson and Walker 1986). Поэтому социальная геронтология долго стремилась избегать разговоров о теле.

Эта тенденция начала меняться с формированием постмодернистской парадигмы (Andersson 2002; Fairclough 2003; Twigg 2004), в рамках которой исследователи показали, что не только процесс старения социально конструируется, но и тело также социально конституируется. Тело имеет социальный контекст, который одновременно формируется культурой и приобретает смысл только внутри культуры. Таким образом, формулируется тезис о том, что стареющее тело – это не только физиологическое явление, поскольку оно сформировано культурой внутри культуры и может быть понято только с точки зрения культуры (Jackson and Scott 2001).

Наиболее известной работой, которая рассматривает стареющее тело, является книга Маргерет Жюлетте «Declining to Decline» (Gulette 1997). Автор доказывает, что мы стареем скорее благодаря культуре, а не нашим телам. Традиционная культура учит нас с возрастом чувствовать себя плохо и начинать думать об этом задолго до наступления старости, настраивает на подготовку к проявлению симптомов увядания и призывает следить за телесными сигналами, говорящими о

снижении всех функций (Gulette 1997; Twigg 2004). Таким образом, традиционная культура является основанием дискурса о снижении, а также основанием для исключения и эйджизма.

По мнению Жуллетте, нарративы о снижении настолько доминируют в интерпретации тела в пожилом возрасте, что иной взгляд и иное понимание пожилого возраста становится почти невозможным. Такой же вывод делает Томас Коле в книге «The Journey of Life: A Cultural History of Aging in America» (Cole 1992).

Подобно другим формам неравенства, «эйджизм [...] является воплощенной формой угнетения» – такой, что «мы не можем отделить дискриминирующие практики от тел, на которые они направлены» (Laws 1995:14). Люди интерпретируют свои физические изменения в контексте неравенства возраста (Calasanti and Slevin 2001; Laz 2003). Например, создают представление о менопаузе как о событии, знаменующем начало старения, связанным со снижением либидо и вследствие этого с потерей «сексуального капитала» (Wilson 2000).

Общество конструирует старение и старость с помощью негативных, маргинализирующих дискурсов, которые используют телесные изменения и дискриминируют пожилых людей. Эти дискурсы проявляются в том, что, во-первых, старость приравнивается к болезням и упадку, во-вторых, что здоровье и молодость должны проявляться в теле. Если тело не выглядит здоровым оно не молодое. И в-третьих, что необходимо контролировать свое тело с помощью диеты, физических упражнений и активного образа жизни (Katz 2000; McHugh 2000). Таким образом, создается ситуация, в которой люди с признаками старения оцениваются как заслуживающие осуждения, потому что они не изменили свой образ жизни, не сохранили молодость – они неправильно жили и проиграли. Поэтому они стигматизируются и исключаются. «Старость – это болезнь, симптомы которой – обвисание, морщины и седина – все это [...] символы отсутствия контроля, что недопустимо в современном обществе» (Jones and Pugh 2005:254).

Как писала Кетлин Вудворд в книге «Aging and Discontents» (Woodward 1991), современные культурные категории сведены к двум стадиям: молодой и старый. В результате нас не судят по тому, насколько мы стары, нас судят по тому, насколько мы не молоды.

Весь процесс старения происходит в контексте потребительской культуры, где тело становится проектом, над которым работают, формируют и контролируют (Katz 1996). Современное тело – это объект для саморефлексии, когда все телесные изменения становятся фокусом внимания. Растущая вездесущность медиа и рекламных образов ведет к перфекционизму и навязыванию новых идеалов. Вся индустрия косметологии, косметической хирургии направлена на то, чтобы скрыть следы старения, на то, чтобы как можно больше людей (особенно с высоким достатком и свободным временем) тратили много денег и времени на то, чтобы покупать молодость (Woodward 1999). Противостоять этому очень сложно, поэтому тело становится объектом возрастной дискриминации.

ГЕНДЕР И ВОЗРАСТНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ

Гендер является важным фактором жизни человека в любом возрасте: от юности до старости (Holstene 2019). Несмотря на все изменения, жизнь в обществе, особенно жизнь женщин в обществе, по-прежнему определяется гендером. Гендер является фактором, определяющим взаимодействия с другими людьми и спектр возможностей, которые доступны или недоступны человеку. Когда человек стареет, эйджизм становится еще одним фактором, влияющим на то, как мы взаимодействуем с миром (Holstene 2019). Поэтому, анализируя старение и возрастную дискриминацию, важно одновременно обращать внимание и на гендер.

Женщины в пожилом возрасте испытывают особое давление. В традиционной культуре источником женской власти и силы считаются красота и сексуальность, которые с возрастом сходят на нет. Если мужская власть с возрастом может перерасти в деньги, статус, социальное доминирование (Clarke 2011), то пожилые женщины становятся социально невидимы и утрачивают все значимые ресурсы. Мужчины не обращают на них внимание, образ пожилой женщины не находит отражения в рекламных образах или в СМИ, они лишены власти и авторитета. Как писала Вудворд (Woodward 1999), пожилое женское тело одновременно и невидимо, потому что на него никто не обращает внимания, и гипервидимо, потому что только его и видят.

Особенное значение гендер приобретает в глубокой старости, в так называемом четвертом возрасте, потому что в этом возрасте женщин значительно больше, чем мужчин. Проблемы, связанные с телом в четвертом возрасте, имплицитно носят гендерный характер. Многие дискурсы, дискриминирующие женщин, сосредоточены на теле женщин и становятся все более дискриминирующими по отношению к пожилым женщинам (Richards, Warren, and Gott 2012). Таким образом, женское тело в старости несет дополнительный груз отрицательного значения.

Невозможно говорить о глубокой старости, не сказав о физиологии, потому что процесс старения сопровождается хроническими болезнями, болью и заканчивается смертью. Боль, смерть и неизлечимые болезни не могут быть только результатом дискурса (Twigg 2004). Различие между третьим и четвертым возрастом (Laslett 1989), то есть между возрастом 60–75 и 75+, является качественным, а не хронологическим. И в теле как раз ключ этих различий, потому что это начало серьезной немощи. В результате может показаться, что четвертый возраст – это не только о теле, но на самом деле это о теле и ни о чем другом (Twigg and Martin 2015). Субъективный телесный опыт до такой степени доминирует в глубокой старости, что затмевает влияние всех других факторов в ситуациях, когда мы говорим о благополучии. Когда человек испытывает боли, ограничен в движении, его благополучие определяется именно этими болями и ограничениями. Дискуссия о том, какое поведение является правильным или неправильным, теряет смысл. И парадоксальным образом именно в этот момент гуманистическая социальная геронтология перестает говорить о физиологии, чтобы бороться с доминированием биомедицинского подхода к старости, и начинает отстаивать другие аспекты личности и жизни в пожилом возрасте (Twigg and Martin 2014). В результате теряется возможность говорить и бороться с эйджизмом хотя бы на уровне теорий.

ВОЗМОЖНО ЛИ КУЛЬТУРНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ЭЙДЖИЗМУ?

Возможно ли сопротивление негативному дискурсу старения, связанному со снижением и потерями? Пока это выглядит проблематичным. Для сопротивления чему-то недостаточно просто показать и доказать, что это что-то культурно сконструировано. Надо еще объяснить, почему этим конструктом можно пренебречь и жить так, как хочется, а не так, как велит возраст. Как писала Джулия Твигг, «мы живем в определенный исторический период и в определенной культуре. Мы являемся частью этого, и существуют пределы нашей способности к культурному сопротивлению, а следовательно нашей способности сопротивляться возрасту. В конечном счете старение является обязательным, однако мы можем сильно сопротивляться его культурному значению» (Twigg 2004:63).

Как возможно сопротивление негативному дискурсу старения? Жуллетте предлагает классический путь сопротивления, который отражен в заголовке ее книги «Cultural Combat and Politics of Midlife» (Gullette 1997). Она предлагает сопротивляться негативному дискурсу, продлевая средний возраст с помощью активного старения и управления внешностью. Однако, как писала Фрида Фурман (Furman 1999), неясно, чем такое сопротивление отличается от капитуляции? Чем сопротивление возрасту отличается от отрицания возраста?

Попытка сопротивляться могла бы состоять в сопротивлении обесцениванию пожилого возраста и пребывания в нем, в подчеркивании его преимуществ, но не в отрицании возраста. Молли Эндрюс писала: «По мере того как мы встречаемся с новыми проблемами, как физическими, так и психологическими, мы понимаем, что мы изменились, даже если в душе мы остались теми же самими. Старость ничем не отличается от других этапов жизни в этом отношении. Изменений много, и они реальные; отрицать их, как это делают некоторые в попытке противостоять эйджизму, – глупость» (Andrews 1999:309).

Возраст – это характеристика основного статуса, которая определяет и отдельных людей, и группы (Hendricks 2003). Общества осуждают определенное поведение, что-то позволяют и к чему-то обязывают в зависимости от возраста. То есть возраст включен в систему социального неравенства. Старость не только усугубляет другие неравенства, сама точка, в которой человек начинает восприниматься как «старый», зависит от других видов неравенств. Тот, кто воспринимается как «старый», подвергается маргинализации и утрачивает власть, только потому что он так воспринимается (Laws 1995). Пожилые люди страдают от неравенства в распределении ресурсов, и это неравенство считается естественным.

Пожилые люди в России теряют авторитет и автономию. Они сталкиваются с эгоизмом повзрослевших детей, бедностью, отсутствием полноценного общения, равнодушием со стороны бюрократов, социальных служб и медицинских учреждений (Колпина 2015; Rogozin и Ипатова 2016).

По мере старения люди испытывают дискриминацию на рынке труда, теряя должности и доходы (Клепикова и Колосницына 2017; Тагаров 2019). Доля занятых среди пожилого населения в России постоянно сокращается, а размер их заработной платы по отношению к средней по экономике уменьшается (Тагаров

2019). Неспособность зарабатывать деньги в дальнейшей жизни означает, что пожилые люди должны полагаться на других – членов семьи или государство. И когда мы рассматриваем экономическую зависимость пожилых людей, становится очевидным дискриминационный характер возрастных отношений.

Почти 80% участников обследования «Проблемы третьего возраста» отметили равнодушие общества к ним, безразличие к их проблемам, ненужность, «отработанность», отсутствие перспектив (Попова и Зорина 2014). Существующие стереотипы и ущемление со стороны работодателей приводят к неуверенности пожилых людей в своем будущем. Согласно опросу, проведенному ВНИИ труда Минтруда России, 46% занятых старше 50 лет считают, что не смогут найти другую работу в случае увольнения, 32% опрошенных полагают, что найдут новое рабочее место, но с большим трудом (Забелина 2018). Низкая самооценка вынуждает людей пенсионного и предпенсионного возраста соглашаться на дискриминационные условия, что только поддерживает дискриминацию и эйджизм.

Респонденты, участвующие в проекте «Отношения между поколениями», также говорили о существовании эйджизма в России. 60% опрошенных трудоспособного возраста отметили, что им известны примеры, когда пожилого человека обижали, унижали, обзывали, отказывали в просьбе, в медицинской помощи, в приеме на работу только по причине возраста (Попова и Зорина 2014). Кроме этого, участники данного опроса считают, что в России очень распространено семейное насилие по отношению к пожилым людям. О том, что им известны случаи жестокого отношения к пожилым людям, говорили 90% опрошенных. Наиболее распространены формы психологического насилия со стороны родственников, такие как оскорбления, игнорирование, лишение возможности общаться и т. д. О них известно половине опрошенных. Примерно треть опрошенных знает о случаях физического насилия в семье над пожилыми людьми. И еще 25% сталкивались с тем, что пожилых людей лишают финансовых средств (Попова и Зорина 2014).

То, что старость сама по себе является фактором низкого статуса, становится особенно заметно в растущей индустрии антистарения (Laws 1995). Связь старости с болезнями, с физическими и умственными расстройствами, настолько устойчива, что видимые признаки старения служат для оправдания ограничения прав и полномочий пожилых людей. Уравнивание старения с физиологическим процессом оправдывает эйджизм. Люди усваивают дискриминирующее отношение к старости еще в молодые годы и несут его по мере взросления, тяжело переживая признаки старения (Calasati 2016).

В настоящей работе рассматривается, как в условиях современного российского общества пожилые люди переживают давление возрастных и гендерных стереотипов, маргинализирующих и дискриминирующих дискурсов и систем.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование выполнено в качественной парадигме. Эмпирическую базу исследования составляют 18 глубинных нарративных интервью с людьми в возрасте от 60 до 86 лет (10 женщин и 8 мужчин). В выборку включены информанты, которых

можно отнести к третьему (60–75 лет) и четвертому (75+) возрасту. Это позволяет увидеть, как усиливается возрастная дискриминация в процессе старения, как меняется роль социальных институтов в этом процессе и как усиливаются все формы неравенства. Интервью были посвящены главным образом проблемам старения и охватывали широкий круг тем, в том числе меняющееся здоровье и стареющее тело; проблемы, связанные с социальным представлением о поведении, соответствующем возрасту и внешности; опыт возрастной дискриминации и переживание своего старения; мысли о старении и о том, как сопротивляться общественному давлению; конфликты с окружающими из-за представлений о возрасте и о том, что нужно пожилым людям.

Тема интервью анонсировалась как разговор о старении, то есть разговор о том, что в жизни человека меняется с наступлением пожилого возраста, когда человек начинает осознавать себя стареющим, что он при этом переживает, как происходит принятие пожилого возраста. Интервью было нарративным, без предварительно сформулированных вопросов. Интервьюер задавал тему разговора, а потом следовал за нарративом информанта.

Все респонденты, участвующие в исследовании, имели высшее образование. Половина из них (4 женщины и 5 мужчин) в настоящее время продолжают работать. Интервью проводились дома у респондентов в комфортной для них обстановке и в удобное для респондентов время. Каждая беседа занимала не менее двух часов. С некоторыми респондентами интервьюер встречался для интервью несколько раз.

Одной из тем интервью был разговор о том, как респонденты переживали (и переживают) свое старение. В каком возрасте они начали задумываться о том, что их хронологический возраст попадает в категорию, которую окружающие идентифицируют как «старость»? Был ли какой-то маркер, который заставил их задуматься о том, что их возраст изменился и они перешли в категорию пожилых людей? Какие изменения стали происходить в их жизни и в их отношении с окружающим миром на этом жизненном этапе?

Все интервью были записаны и расшифрованы, а затем закодированы. Кодирование выполнялось итеративным способом (Miles and Huberman 1994; Taylor and Bogdan 1984). Сначала проводилось открытое кодирование, то есть выбирались коды первого уровня, в которые записывались, например, ответы на вопросы о негативных эмоциях, связанных с возрастом, о дискомфортных ситуациях, в которых оказывались респонденты из-за своего возраста, о сложностях взаимодействия с окружающими, которые вызваны старением, о несправедливости, об унижении и т. д. Затем вводились коды более высокого уровня, которые связывали ответы между кодами первого уровня, формировались новые темы анализа («социальные институты, которые маркируют старение», «потеря агентности и автономности», «дискриминация по возрасту»).

Далее выявленные коды составлялись в общую схему, которая показывает, как создается, чем оправдывается и как переживается негативный дискурс старения, как формируется эйджизм и как ему можно сопротивляться.

ПЕРЕЖИВАНИЕ СТАРЕНИЯ: ИСПУГ, ОТРИЦАНИЕ И САМООБМАН

Анализ интервью показал, что триггером для осознания возраста часто является не собственно возраст, а событие, которое в общественном сознании связано с переходом в социальный статус, привязанный к пожилому возрасту. Хронологический возраст в данном случае может не соответствовать пожилому возрасту. Значение имеет только то, что в общественном мнении эти события связаны со старением. Например, рождение внуков или выход на пенсию: «Меня очень накрыло, когда первый внук родился [респондентке в то время было 48 лет]. Конечно, я его очень любила. Но я постоянно думала, что, боже, что дальше? Что впереди? Только белые тапочки. Больше ничего не осталось. Больше ничего не будет. Все, я бабушка. И это навсегда» (женщина, 60 лет).

Старость пугает. Особенно она пугает женщин. Общество не предлагает женщинам в возрасте никаких привлекательных образов, ролей и моделей поведения. Для пожилых женщин в России есть только одна роль – бабушки, поэтому, когда у женщины появляются внуки, она осознает, что это событие (рождение внука) принципиально меняет ее статус. Все события, которые происходили в ее жизни до этого и были связаны с возрастными изменениями, можно было описать как взросление или развитие. Замужество, рождение детей, изменения в карьере – это возрастные роли, но у них есть привлекательные образы и модели поведения, они не связаны с дискурсом снижения и увядания. Образ бабушки совершенно другой.

В ходе интервью информантки говорили о том, что, по их мнению, статус бабушки не соответствует образу женщины, которая ходит на свидания, занимается сексом, выходит замуж. Известны истории, когда женщины, становясь бабушками в довольно молодом возрасте, особенно те, которые стараются выглядеть моложе своих лет, просят своих внуков не называть их бабушками, а называть их, например, по имени.

В современном русском языке слово «бабушка» стало синонимом старой женщины, у которой все основные события в прошлом. Поэтому такое обращение со стороны постороннего человека, особенно мужчины и особенно молодого, воспринимается почти как приговор: «Мне было 55 или 57 лет. И как-то в магазине молодой человек сказал мне: “Бабушка, подвиньтесь, пожалуйста”. Я опешила, говорю, что какая я тебе бабушка. А дома смотрю на себя в зеркало и думаю: “Ну, все. Надо привыкать к новой реальности. Теперь все меня будут считать бабушкой”» (женщина, 67 лет).

Как видно из приведенного фрагмента, реальность, которая описывается словом «бабушка», пугает и не позволяет строить позитивных планов на дальнейшую жизнь. К этой реальности надо привыкать, потому что придется отказываться от привычного поведения и образа жизни.

Пенсионный возраст также является в современной России маркером старения. С одной стороны, в интервью респонденты говорили о том, что достижение пенсионного возраста воспринималось ими довольно позитивно, так как они получили дополнительный доход к зарплате. С другой стороны, пенсия в России

имеет строгие коннотации со старостью, бедностью и снижением социальной активности. Когда незнакомого человека в разговоре определяют как пенсионера, это подразумевает, что он плохо выглядит, не очень богат и, вообще говоря, у него все в прошлом.

Респондентка, которая выглядит значительно моложе своих лет (ей 64 года), в интервью рассказывала о том, что, когда она заходит в метро в сопровождении мужчины, она всегда покупает жетон, а не пользуется проездным билетом для пенсионеров, чтобы мужчина не догадался, сколько ей лет. Другая респондентка рассказывает в интервью о том, как она драматично переживает ситуации, в которых сотрудники различных учреждений предлагают ей льготы, положенные пенсионерам, не спрашивая ее возраста. Вот пример из ее интервью:

Я помню на своем дне рождения в 55 лет все вдруг стали говорить про пенсию, что я теперь пенсионерка и так далее. Мне стало как-то грустно, несмотря на праздник. Первый раз... И вот когда в магазине мне говорят: «Давайте мы сделаем вам скидку для пенсионеров?» – я всегда расстраиваюсь. Думаю: уже не спрашивают, сколько мне лет, и так видно – пенсионерка (женщина, 62 года).

Общественные представления, которые связаны с пожилым возрастом, очень сильны и нормативны в российском обществе, они маркируют социальный статус и сокращают пространство для действий. В интервью респонденты говорили о том, что осознание возраста возникало в тот момент, когда они сталкивались с каким-то запретом на привычные для них телесные практики, и этот запрет объяснялся возрастом, несоответствием поведения нормам социального института:

В магазине я выбирала блузку. И спросила продавщицу, какую расцветку она посоветует. А продавщица задала мне вопрос: «А вы кому хотите купить?». Я сказала, что вообще-то себе. У той было такое лицо. И она говорит, что вот там, мол, посмотрите другие модели. Я удивилась: что, почему? А она говорит, что эта модель для более молодых. И так добавила, что «вы же уже на пенсии». И потом я стала замечать, что это часто происходит. Я покупаю обувь – кассир говорит: «Что, неужели вы такой каблук будете носить? На пенсии же уже можно не напрягаться». Я выбираю белье – мне советуют посмотреть на другой полке...» (женщина, 75 лет).

Пожилые люди в России не рассматриваются как привлекательные клиенты или выгодные потребители развлекательных и досуговых учреждений. Они вынуждены проводить свободное время дома, в одиночестве или в компании своих сверстников. Отсутствие инфраструктуры, невнимание к потребностям пожилых со стороны общества приводит к тому, что пожилые люди в России отказываются от многих потребностей, которые не определяются ими как первоочередные, жизненно необходимые. Но, как видно из интервью, когда пожилые люди из России сталкиваются с другой реальностью (например, видят жизнь пожилых людей в других странах), они понимают, какие возможности они теряют и чего их лишает общество:

Когда я приезжаю к дочери в Америку, я чувствую себя женщиной. Я хожу танцевать. Я не думаю, можно ли мне это надеть или нет. Мне кажется, мужчины обращают на меня внимание. Здесь я чувствую себя бабушкой. Как-то говорю своей подруге: «Пойдем в какой-нибудь клуб, потанцуем». А она мне говорит: «Что ты, с ума что ли сошла? Кто тебя туда пустит?» (женщина, 71 год).

Неразвитость досугового сегмента для пожилых людей в России вынуждает их к добровольной изоляции. Они теряют активность и еще острее переживают свой возраст. Они страдают от проблем, связанных с тем, как выглядит их тело. У них формируется искаженное представление о собственном теле, потому что слишком много запретов, слишком много оценивающих критических взглядов вокруг. Это искаженное представление влияет на повседневную деятельность, начиная с физической активности, привычек питания и заканчивая социальными отношениями.

Отсутствие инфраструктуры для проведения досуга вынуждает пожилых людей в России большую часть времени проводить дома, в результате для пожилых женщин остается только одна роль – роль бабушки. Эта роль лишает их привычной активности. Их жизнь, с одной стороны, регламентирована заботой о внуках, а с другой – нормирована общественными представлениями о том, как «правильно» себя вести в пожилом возрасте (Низамова 2016).

Регулирование касается не только поведения, но и внешнего вида. В общественном сознании бабушкам не нужна красивая, модная одежда, не нужны развлечения, они должны сидеть с внуками и помогать взрослым детям. Эта роль создает проблемы и мешает жизни не только женщин, но и мужчин. В интервью мужчины рассказывали о том, какое непонимание они встречали, когда пытались строить свои отношения с «бабушками», то есть с ровесницами или женщинами чуть старше:

В 60 лет я развелся со второй женой, чтобы жениться на другой женщине. На своей ровеснице. Никто не верил, что это по любви. Дети не понимали, какая любовь может быть в 60 лет. Друзья не понимали, зачем менять одну старую женщину на другую. Так и говорили, что «зачем тебе бабушка?». Столько было разговоров. Столько гадости и грязи (мужчина, 78 лет).

Отсутствие публичной жизни снижает желание ухаживать за своей внешностью, за своим телом, потребность в приобретении новой одежды, желание привлечь к себе внимание. В результате формируется довольно ущербный и жалкий образ пожилого человека. Этот образ поддерживает негативный дискурс о старении как о возрасте снижения и отсутствия. А дискурс о снижении воспроизводит эйджизм: «Невозможно бороться с возрастом. Рано или поздно все сдаются.... Превращаются в теток, потом в бабушек» (женщина, 72 года).

ДОМИНИРУЮЩИЕ ДРУГИЕ. ПОТЕРЯ ИДЕНТИЧНОСТИ, АВТОНОМНОСТИ И АГЕНТНОСТИ

Эйджизм приводит к неспособности вписываться в существующий мир, и, как следствие, к потере того, что социальные исследователи называют *агентностью*. Это понятие существует только в социальном мире. Именно поэтому мы говорим о том, что агентность социально сконструирована (Coates 2017). И это значит, что проблема эйджизма может быть решена только в мире социальных практик.

Но что означает возможность реализовать себя? По мнению Рахель Джагги (Jaeggi 2014), это означает возможность совершать действия, цели которых определены нами, а не другими субъектами, а сами эти действия направлены на нас самих. Об отсутствии такой возможности часто говорят в интервью пожилые люди. В первую очередь это относится к людям глубоко пожилого возраста: «После смерти жены я влюбился, я хотел жениться, но моя дочь кричала... Не могу вспоминать об этом... “В эту толстую старуху? В эту бабку? У нее трое внуков!” Она сказала, что подаст в суд, объявит меня недееспособным, если я женюсь. И я остался один. Вернее, с ней, с дочерью» (мужчина, 76 лет).

Взрослые дети часто являются теми субъектами, которые определяют действия пожилых родителей. Они отказывают родителям в самостоятельности, тем самым лишая их автономности. Любое поведение, которое с их точки зрения не соответствует поведению в пожилом возрасте, идентифицируется как старческое слабоумие, как деменция (в шутку или всерьез). Взрослые дети считают, что у них есть право контролировать и определять поступки и жизнь пожилых родителей. Они лишают их возможности реализовывать свои потребности и свои желания:

Я сказал дочери и зятю, что мне нужна зимняя резина, чтобы они мне купили, так как я буду ездить зимой. Мне сложно ходить, я хочу ездить. И вечером слышу, дочь говорит по телефону: «Дед сошел с ума. Еще и зимой ему ездить. Он и так-то ездит как не знаю кто». Да я сорок лет за рулем. У меня аварий практически не было. А они все: «Как ты едешь, как ты едешь?!». Надоели (мужчина, 81 год).

Пожилые люди очень болезненно переживают состояние, когда их действия перестают восприниматься окружающими как осмысленные и близкие люди не видят в их поступках того смысла, который они в них вкладывают. Это состояние можно назвать *потерей осмысленного мира* (Jaeggi 2014). В интервью такие сюжеты чаще всего были связаны с реакцией окружающих на те действия пожилых людей, которые обычно воспринимаются как подходящие и нормальные для более молодых людей. Например, интимные и сексуальные отношения, активные виды проведения досуга:

В молодости мы с мужем спали в одной комнате с ребенком. Сексом заниматься было сложно. Все было сложно. Мы развелись. Сейчас все гораздо проще. Как минимум, у меня есть своя квартира. Но когда я говорю дочери, что не приеду к ней сидеть с внуками, так как ко мне придет мой друг, она злится. И всем своим друзьям говорит, что я сошла с ума на старости лет. А я имею право! Я, может быть, умру завтра (женщина, 75 лет).

Из приведенных интервью видно, что пожилым людям сложно сопротивляться мнению близких людей. Они готовы отказаться от своих желаний и делать то, что от них ожидают. Они теряют свою агентность и автономность. Возраст становится причиной неравенства и дискриминации. Этот процесс происходит не только в частной сфере, когда субъектами, определяющими поведение людей, являются дети и близкие молодые родственники, но и в публичной сфере, когда автономность пожилых людей отнимают сотрудники различных учреждений (например, врачи, администраторы и т. д.):

В санатории я попросил себе отдельную комнату. Без соседей. В регистратуре удивились: зачем, говорят, вам. Я говорю, что хочу познакомиться с женщиной и пригласить ее к себе. А девушки так удивились. Вы же, говорят, как пенсионер и инвалид второй группы получили сюда путевку. Сказали, что это не предусмотрено. Что комнаты рассчитаны либо на семью, либо на двоих (мужчина, 76 лет).

Невозможность самостоятельно определять свои действия приводит к болезненному переживанию процесса старения, когда человек начинает избегать социальных контактов, отказывается от привычного образа жизни:

Иногда очень хочется надеть короткую юбку. Но я же понимаю, что мне 82 года. Хотя у меня все еще очень приличные ноги. Надо сказать, что это всегда была лучшая часть моего тела. Но все равно нельзя. Хорошо, я с этим смирилась. Всегда любила шляпки. Купила недавно себе шляпку. Хотела надеть. Но куда я пойду в шляпке? Тем более у меня же половины зубов нет. Разве можно шляпку без зубов? Не ношу. Дома надену, посмотрю на себя, похожу и все (женщина, 82 года).

Болезненное старение часто характерно для красивых женщин. Они испытывают дополнительные проблемы, связанные с потерей своей власти, преимуществ, исключительности. Из красивых женщин они превращаются просто в пожилых женщин, теряют привлекательность, привычный социальный мир. Критический взгляд доминирующих других становится еще пристальней, эйджизм еще сильнее:

Я очень переживала, что старею, что у меня морщины, седина. Я не хотела встречаться с людьми, которых знала в молодости. Не пошла на встречу со своей группой университетской. Не могла представить, что меня такой увидят мальчики, с которыми училась. В зеркало не хотела смотреть. Перестала фотографироваться. Не ходила в гости, если знала, что там все будут моложе меня (женщина, 70 лет).

Есть ситуации, в которых «институты кажутся всемогущими и не оставляют места для свободных действий» (Leboeuf 2016). В интервью респонденты описывали ситуации, когда доминирующие другие начинали представлять опасность, их поведение становилось оскорбительным:

Мой внук уговорил меня пойти на курсы компьютеров для пожилых. Они бесплатные. Я пошел посмотреть в магазин, что можно купить, какой компьютер. Обратился к консультанту. Он мне стал что-то говорить такое [...], задавать вопросы, я просто не понимал смысл его слов. Я стал переспрашивать, а он говорит, что вам уже все это поздно, идите домой (мужчина, 83 года).

Я пыталась положить деньги на телефон через банкомат, и у меня что-то никак не получалось. Сзади стояла девушка, я попросила ее помочь. А она мне сказала, что если я не способна это сделать, надо приходиться с кем-нибудь. Мне стало так обидно. Я просто чуть не заплакала. Почувствовала себя совсем никчемной и старой (женщина, 82 года).

Из приведенных интервью видно, что организация приватной и публичной сферы в обществе делает пожилых людей беспомощными и униженными. Доминирующие другие отказывают пожилому человеку в компетентности, в осмысленности, в чувстве реальности. Пожилой человек теряет осмысленный социальный мир, он вынужден отказаться от действий, которые сам для себя определил, от желаний и намерений. Он вынужден подчиниться воли другого только потому, что этот другой моложе. Эта дискриминация усиливается с возрастом и с растущим экономическим неравенством. Бедный пожилой человек имеет очень узкий диапазон для самостоятельных действий и реализации своих желаний.

ГЕНДЕР И СТАРЕНИЕ. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ЭЙДЖИЗМА И СЕКСИЗМА

Мужчины и женщины стареют по-разному. Общество предъявляет им разные требования, формирует разные стандарты поведения (Holland 2004). Возраст мужчины ассоциируется с опытом, достатком, социальным положением. Общество не осуждает и даже поощряет мужчин, которые в зрелом возрасте находят для себя более молодых партнерш, но осуждает женщин, когда они ведут себя так же. Социум предлагает мужчинам способы сохранить свою сексуальную активность и желание, в то время как сексуальное желание пожилых женщин не принимается во внимание вовсе. Общество предлагает мужчинам способ самореализации с помощью отношений с молодыми женщинами, поощряет их, обесценивая тем самым пожилых женщин:

Встречался с женщиной. Она мне нравилась. Но она мне врала, что ей 50 лет. А потом я взял ее паспорт, чтобы билет купить на самолет, а ей оказалось 62. Я с ней сразу и расстался. Я не собираюсь встречаться с женщиной моего возраста. Я ищу женщину лет на 15–20 моложе. Я ей так и сказал при знакомстве (мужчина, 72 года).

На отношения пожилых женщин с мужчинами, которые значительно моложе их, общество накладывает почти полное табу. Женщины вынуждены либо отказываться от таких отношений, либо скрывать их, лишая себя желаемого социального статуса (например, официального брака), совершая поступки, которые унижают их:

Он [гражданский муж] был меня на 21 год моложе. Он умер в прошлом году, ему было 55, а мне 76 тогда. Мы 8 лет жили вместе. Но я всем говорила, что это мой двоюродный брат. Никогда не говорила, что мы живем вместе. Придем куда-нибудь, в магазин или еще куда, встретим кого-то, я говорю: «Вот, брат мой». Соседям тоже сказала, что брат, что ему жить негде. Конечно, мы не были женаты. И теперь я не имею права ни на что. Я даже никому не могу рассказать, что у меня умер муж (женщина, 77 лет).

В данном случае мы видим пример отказа от осмысленного мира: самоотчуждение от социального мира, избегание связей, разрушение себя, совершение вынужденных действий, потерю агентности. И это тоже разновидность эйджизма.

Антивозрастная индустрия предлагает и даже навязывает женщинам услуги, результатом которых должна стать жизнь без возрастных изменений, без признаков старения (к проявлению старения у мужчин общество относится более лояльно). Отказ от таких услуг или невозможность пользоваться такими услугами воспринимаются как жизненное поражение и личная неудача. Иногда это происходит довольно агрессивно. Вот отрывок из рассказа одной из информанток. Ей 61 год, и у нее полностью седые волосы, при этом она сохранила стройную фигуру, внешнюю привлекательность и жизненную активность:

У меня часто посторонние мужчины спрашивают, почему я седая. И когда я говорю, что это специальное окрашивание за 6,5 тысяч, они начинают со мной кокетничать, пытаются познакомиться. Но если я говорю, что это просто такие волосы, они начинают строить предположения, чем я больна [...] и вести себя довольно агрессивно. Чего я только не наслушалась (женщина, 61 год).

Трудно представить, чтобы седые волосы мужчины вызвали бы аналогичную реакцию у женщин. Гендер усиливает возрастную дискриминацию. Во-первых, российское общество в целом дискриминирует женщин, а во-вторых, обесценивает опыт пожилых женщин. Общество настаивает на том, что женщина должна скрывать свой возраст, тем самым показывая, что пожилая женщина не только никому не интересна, но и сам ее вид неприятен и неприемлем:

Мне долго звонили, приглашали на акцию в эстетическую клинику. Подарки обещали... В общем, пошла, это же бесплатно и вообще интересно... Сделали процедуру, мне результат понравился... И главный врач мне говорит, что это только чуть-чуть. Мне надо вставить себе нити, чтобы натянуть лицо. Я говорю, что не очень этого хочу. Да и зачем. А она мне довольно грубо: «Вы что, так и хотите дальше выглядеть? Вы что, хотите вот так вот и жить? С таким лицом?» (женщина, 66 лет).

Когда в обществе все возрастные категории сводятся только к двум – молодые и старые, – и при этом у пожилого возраста отнимают все смыслы и преимущества, в результате чего особенно уязвимыми становятся бедные пожилые женщины, так как они находятся на пересечении трех неравенств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КУЛЬТУРНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Исследование показало, что в современной России нормы возрастного и гендерного поведения жестко определены. У пожилых людей крайне узкий выбор способов выглядеть и проявлять себя в соответствии со своими желаниями и потребностями. Существующие в обществе нормы и правила приводят к самодискриминации пожилых, что только воспроизводит эйджизм.

Нормы и правила социальных институтов почти физически ограничивают пространство для деятельности пожилых людей, контролируют их жизнь, лишают самостоятельности и автономности, отказывают в реализации своих желаний, отбирают волю. Культура вынуждает пожилых людей думать о своем возрасте как о физической и социальной проблеме, предлагает непривлекательные образы старения, заставляет тратить денежные средства, чтобы скрывать свой возраст. Такой символический порядок приводит к эйджизму, который существует в России в форме социального контроля.

Эйджизм воспринимается как норма и негативно влияет на пожилых людей. И проблема не только в том, что в обществе существуют возрастные барьеры в доступе к общественным благам. Негативные общественные стереотипы и маргинализирующие дискурсы интериоризируются и интеркорпорируются пожилыми людьми. В результате формируется психология беспомощности и инфантильности, стремление к самоизоляции, отказ от желаний и потребностей, согласие с дискриминирующими условиями, смирение с насилием. Таким образом, эйджизм воспроизводится и усиливается. Но появляется запрос на другое старение, менее стесненное рамками возрастной нормативности.

В отличие от биологического детерминизма, социальный конструктивизм предлагает направление противодействия эйджизму. Это направление может быть связано с формированием позитивного социального конструкта старости, пересмотром маргинализирующих и эйджистских стереотипов, дискурсов и практик, которые обесценивают опыт пожилых людей. Однако в настоящее время в России по поводу эйджизма как социального явления только начинают рефлексировать – на уровне научных исследований и общественного мнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьева, Ирина и Вячеслав Келасьев. 2017. «Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения». *Успехи геронтологии* 2(30):243–247.
- Забелина, Ольга. 2018. «Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда». *Экономика труда* 5(1):165–176. doi:10.18334/et.5.1.38874.
- Клепикова, Екатерина и Марина Колосницына. 2017. «Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате». *Российский журнал менеджмента* 15(1):69–88. doi:10.21638/11701/spbu18.2017.104.
- Колпина, Лола. 2015. «Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания населения». *Социологические исследования* 5:72–77.
- Лемиш, Вера. 2015. «Образ пожилого и старого человека в представлениях взрослых 20–39 лет». *Известия Алтайского государственного университета* 3/1(87):64–69. doi:10.14258/izvasu(2015)3.1-11.

- Низамова, Алия. 2016. «Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте?» *Журнал исследований социальной политики* 14(4):569–582.
- Попова, Лариса и Елена Зорина. 2014. *Возрастная дискриминация в российском обществе*. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография».
- Рогозин, Дмитрий и Анна Ипатова, ред. 2016. *Старикам тут место: социальное осмысление старения*. М.: Институт социологии РАН.
- Смирнова, Татьяна. 2008. «Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция». *Социологические исследования* 8:49–55.
- Тагаров, Бато. 2019. «Информационные причины дискриминации на рынке труда». *Экономика труда* 6(1):145–156. doi:10.18334/et.6.1.39701.
- Хоткина, Зоя. 2013. «"Нормальный трудовой потенциал" и дискриминация по возрасту». *Народонаселение* 3(61):27–37.
- Andersson, Lars, ed. 2002. *Cultural Gerontology*. Westport, CT: Auburn House.
- Andrews, Molly. 1999. "The Seductiveness of Agelessness." *Ageing & Society* 19(3):301–318.
- Brook, Barbara. 1999. *Feminist Perspectives on the Body*. London: Longman.
- Butler, Robert N. 1969. "Age-Is: Another Form of Bigotry." *The Gerontologist* 9(4):243–246.
- Calasanti, Toni. 2016. "Combating Ageism: How Successful Is Successful Aging?" *The Gerontologist* 56(6):1093–1101. doi:10.1093/geront/gnv076.
- Calasanti, Toni, and Kathleen F. Slevin. 2001. *Gender, Social Inequalities, and Aging*. Walnut Creek, CA: Alta Mira Press.
- Calasanti, Toni, Kathleen F. Slevin, and Neal King. 2006. "Ageism and Feminism: From 'Et Cetera' to Center." *NWSA Journal* 18(1):13–30.
- Clarke, Laura Hurd. 2011. *Facing Age: Women Growing Older in Anti-Aging Culture*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Coates, Ta-Nehisi. 2017. *Between the World and Me*. New York: Spiegel & Grau.
- Cole, Thomas. 1992. *The Journey of Life: A Cultural History of Aging in America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Estes, Caroll L., and Edwin A. Binney. 1989. "The Biomedicalization of Aging." *The Gerontologist* 29(5):587–596.
- Estes, Caroll L., and Edwin A. Binney. 1991. "The Biomedicalization of Aging: Dangers and Dilemmas." Pp. 117–134 in *Critical Perspectives on Aging: The Political and Moral Economy of Growing Old*, ed. by Meredith Minkler and Carroll L. Estes. New York: Baywood.
- Fairclough, Christopher. 2003. *Aging Bodies: Images and Everyday Experiences*. Walnut Creek, CA: Alta Mira Press.
- Featherstone, Mike, and Andrew Wernick, eds. 1995. *Images of Aging: Cultural Representations of Later Life*. 1st ed. New York: Routledge.
- Furman, Frida Kerner. 1999. "There Are No Old Venuses: Older Women's Responses to Their Aging Bodies." Pp. 7–22 in *Mother Time: Women, Aging, and Ethics*, ed. by Margaret Urban Walker. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Gibson, Diane. 1998. *Aged Care: Old Policies, New Problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson, Hamilton B. 2000. "It Keeps Us Young." *Ageing & Society* 20(6):773–780.
- Gilleard, Chris. 2002. "Women Aging and Body Talk." Pp. 139–160 in *Cultural Gerontology*, ed. by Lars Andersson. Westport, CT: Auburn House.
- Gilleard, Christopher, and Paul Higgs. 2000. *Culture of Ageing: Self, Citizen and the Body*. London: Prentice-Hall.
- Gullette, Margaret Morganroth. 1997. *Declining to Decline: Cultural Combat and the Politics of Midlife*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Hendricks, Jon. 2003. "Structure and Identity—Mind the Gap: Toward a Personal Resource Model of Successful Aging." Pp. 63–87 in *The Need for Theory: Critical Approaches to Social Gerontology*, ed. by Simon Biggs, Ariela Lowenstein, and Jon Hendricks. New York: Baywood Press.
- Holland, Samantha. 2004. *Alternative Femininities: Body, Age and Identity*. Oxford: Berg.

- Holstene, Martha. 2019. "On Being an Old Woman in Contemporary Society." *Generations: Journal of the American Society on Aging* 41(4):131–136.
- Jackson, Stevi, and Sue Scott. 2001. "Putting the Body's Feet on the Ground: Towards a Sociological Reconceptualisation of Gendered and Sexual Embodiment." Pp. 9–22 in *Constructing Gendered Bodies*, ed. by Kathryn Blackett-Milburn and Linda McKie. London: Palgrave.
- Jaeggi, Rahel. 2014. *Alienation*. New York: Columbia University Press.
- Jones, Julie, and Steve Pugh. 2005. "Ageing Gay Men: Lessons from the Sociology of Embodiment." *Men and Masculinities* 7(3):248–60.
- Katz, Stephen. 1996. *Disciplining Old Age: The Formation of Gerontological Knowledge*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Katz, Stephen. 2000. "Busy Bodies: Activity, Aging, and the Management of Everyday Life." *Journal of Aging Studies* 14(2):135–152.
- Katz, Stephen, and Toni Calasanti. 2015. "Critical Perspectives on Successful Aging: Does It 'Appeal More than It Illuminates'?" *The Gerontologist* 55(1):26–33. doi:10.1093/geront/gnu027.
- Laslett, Peter. 1989. *A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Laws, Glenda. 1995. "Understanding Ageism: Lessons from Feminism and Postmodernism." *The Gerontologist* 35(1):112–118.
- Laz, Cheryl. 2003. "Age Embodied." *Journal of Aging Studies* 17(4):503–519.
- Leboeuf, Celine. 2016. "The Social Constitution of the Body: Bodily Alienation and Bodily Integrity." PhD dissertation, Department of Philosophy, Harvard University.
- McHugh, Kevin. 2000. "The 'Ageless Self'? Emplacement of Identities in Sun Belt Retirement Communities." *Journal of Aging Studies* 14(1):103–115.
- Miles, Matthew B., and Michael Huberman. 1994. *Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Oberg, Peter. 1996. "The Absent Body: A Social Gerontological Paradox." *Ageing & Society* 16(6):701–719.
- Phillipson, Chris, and Alan Walker, eds. 1986. *Ageing and Social Policy: A Critical Assessment*. London: Gower.
- Richards, Naomi, Lorna Warren, and Merryn Gott. 2012. "The Challenge of Creating 'Alternative' Images of Ageing: Lessons from a Project with Older Women." *Journal of Aging Studies* 26(1):65–78. doi:10.1016/j.jaging.2011.08.001.
- Schaie, Klaus Warner, and W. Andrew Achenbaum, eds. 1993. *Societal Impact on Aging: Historical Perspectives*. New York: Springer.
- Sontag, Susan. 1972. "The Double Standard of Ageing." Pp. 72–80 in *An Ageing Population: A Reader and Sourcebook*, ed. by Vida Carver and Penny Liddiard. Milton Keynes, UK: Open University Press.
- Taylor, Steven J., and Robert R. Bogdan. 1984. *Introduction to Qualitative Research Methods: The Search for Meanings*. 2nd ed. New York: Wiley.
- Tulle-Winton, Emmanuelle. 2000. "Old Bodies." Pp. 64–83 in *The Body, Culture and Society: An Introduction*, ed. by Philip Hancock, Bill Hughes, Elizabeth Jagger, Kevin Paterson, Rachel Russell, Emmanuelle Tulle-Winton, and Melissa Tyler. Buckingham, UK: Open University Press.
- Twigg, Julia. 2000. "Carework as a Form of Bodywork." *Ageing & Society* 20(4):389–411.
- Twigg, Julia. 2004. "The Body, Gender, and Age: Feminist Insights in Social Gerontology." *Journal of Aging Studies* 18(1):59–73.
- Twigg, Julia, and Wendy Martin. 2014. "The Challenge of Cultural Gerontology." *The Gerontologist* 55(3):21–34. doi:10.1093/geront/gnu061.
- Twigg, Julia, and Wendy Martin, eds. 2015. *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. London: Routledge.
- Williams, Simon, and Gillian Bendelow 1998. *The Lived Body: Sociological Themes, Embodied Issues*. London: Routledge.
- Wilson, Gail. 2000. *Understanding Old Age*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Woodward, Kathleen. 1991. *Aging and Its Discontents: Freud and Other Fictions*. Bloomington: Indiana University Press.

Woodward, Kathleen, ed. 1999. *Figuring Age: Women, Bodies, Generations*. Bloomington: Indiana University Press.

“ I CAN ONLY PERCEIVE MYSELF AS A BABUSHKA”: AGING, AGEISM, AND SEXISM IN CONTEMPORARY RUSSIA

Julia Zelikova

Julia Zelikova, Department of International Relations and Political Studies, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address for correspondence: PANERA, Srednii prospekt VO, 57, Rm. 304, Saint Petersburg, 199178, Russia. zelikova-ya@ranepa.ru.

The dominant discourse in contemporary Russian society judges aging as a person's defeat and defines success as the ability to hide the physical and bodily signs of one's age. Old age is often constituted in public consciousness as the age of decline—decline in learning abilities, physical attractiveness, desires, activity, and so on. Social norms that restrict the behavior of older people should be defined as ageism. Resistance to ageism, in other words resistance to restrictive social constructs, is essential for subjective well-being of older people.

The purpose of this article is to consider aging in contemporary Russia as a complex phenomenon that consists of certain rules and practices. Is it possible to resist the negative discourse of aging associated with decline? What would aging look like if it was possible to at least partially free ourselves from negative social beliefs about age?

This research was carried out within a qualitative paradigm. The empirical material is based on 18 in-depth narrative interviews with 10 women and 8 men aged between 60 and 86. The results of the study reveal that existing norms and rules of aging in Russian society are related to the exclusion of older people from the public sphere and discrimination in the private sphere: they restrict the capacities of older people, deny their agency in determining their own goals and abilities to act in their own interest. Older people interiorize these norms and rules, and this leads to self-discrimination and perpetuation of ageism.

Keywords: Aging; Ageism; Social Gerontology; Construction of the Body

REFERENCES

- Andersson, Lars, ed. 2002. *Cultural Gerontology*. Westport, CT: Auburn House.
- Andrews, Molly. 1999. "The Seductiveness of Agelessness." *Ageing & Society* 19(3):301–318.
- Brook, Barbara. 1999. *Feminist Perspectives on the Body*. London: Longman.
- Butler, Robert N. 1969. "Age-Is: Another Form of Bigotry." *The Gerontologist* 9(4):243–246.
- Calasanti, Toni. 2016. "Combating Ageism: How Successful Is Successful Aging?" *The Gerontologist* 56(6):1093–1101. doi:10.1093/geront/gnv076.

- Calasanti, Toni, and Kathleen F. Slevin. 2001. *Gender, Social Inequalities, and Aging*. Walnut Creek, CA: Alta Mira Press.
- Calasanti, Toni, Kathleen F. Slevin, and Neal King. 2006. "Ageism and Feminism: From 'Et Cetera' to Center." *NWSA Journal* 18(1):13–30.
- Clarke, Laura Hurd. 2011. *Facing Age: Women Growing Older in Anti-Aging Culture*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Coates, Ta-Nehisi. 2017. *Between the World and Me*. New York: Spiegel & Grau.
- Cole, Thomas. 1992. *The Journey of Life: A Cultural History of Aging in America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Estes, Caroll L., and Edwin A. Binney. 1989. "The Biomedicalization of Aging." *The Gerontologist* 29(5):587–596.
- Estes, Caroll L., and Edwin A. Binney. 1991. "The Biomedicalization of Aging: Dangers and Dilemmas." Pp. 117–134 in *Critical Perspectives on Aging: The Political and Moral Economy of Growing Old*, ed. by Meredith Minkler and Carroll L. Estes. New York: Baywood.
- Fairclough, Christopher. 2003. *Aging Bodies: Images and Everyday Experiences*. Walnut Creek, CA: Alta Mira Press.
- Featherstone, Mike, and Andrew Wernick, eds. 1995. *Images of Aging: Cultural Representations of Later Life*. 1st ed. New York: Routledge.
- Furman, Frida Kerner. 1999. "There Are No Old Venuses: Older Women's Responses to Their Aging Bodies." Pp. 7–22 in *Mother Time: Women, Aging, and Ethics*, ed. by Margaret Urban Walker. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Gibson, Diane. 1998. *Aged Care: Old Policies, New Problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson, Hamilton B. 2000. "It Keeps Us Young." *Ageing & Society* 20(6):773–780.
- Gilleard, Chris. 2002. "Women Aging and Body Talk." Pp. 139–160 in *Cultural Gerontology*, ed. by Lars Andersson. Westport, CT: Auburn House.
- Gilleard, Christopher, and Paul Higgs. 2000. *Culture of Ageing: Self, Citizen and the Body*. London: Prentice-Hall.
- Grigoryeva, Irina, and Viacheslav Kelasyev. 2017. "Arkhaicheskie stereotipy i novye stsennarij ponimaniia starenii." *Uspekhi gerontologii* 2(30):243–247.
- Gullette, Margaret Morganroth. 1997. *Declining to Decline: Cultural Combat and the Politics of Midlife*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Hendricks, Jon. 2003. "Structure and Identity—Mind the Gap: Toward a Personal Resource Model of Successful Aging." Pp. 63–87 in *The Need for Theory: Critical Approaches to Social Gerontology*, ed. by Simon Biggs, Ariela Lowenstein, and Jon Hendricks. New York: Baywood Press.
- Holland, Samantha. 2004. *Alternative Femininities: Body, Age and Identity*. Oxford: Berg.
- Holstene, Martha. 2019. "On Being an Old Woman in Contemporary Society." *Generations: Journal of the American Society on Aging* 41(4):131–136.
- Jackson, Stevi, and Sue Scott. 2001. "Putting the Body's Feet on the Ground: Towards a Sociological Reconceptualisation of Gendered and Sexual Embodiment." Pp. 9–22 in *Constructing Gendered Bodies*, ed. by Kathryn Blackett-Milburn and Linda McKie. London: Palgrave.
- Jaeggi, Rahel. 2014. *Alienation*. New York: Columbia University Press.
- Jones, Julie, and Steve Pugh. 2005. "Ageing Gay Men: Lessons from the Sociology of Embodiment." *Men and Masculinities* 7(3):248–60.
- Katz, Stephen. 1996. *Disciplining Old Age: The Formation of Gerontological Knowledge*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Katz, Stephen. 2000. "Busy Bodies: Activity, Aging, and the Management of Everyday Life." *Journal of Aging Studies* 14(2):135–152.
- Katz, Stephen, and Toni Calasanti. 2015. "Critical Perspectives on Successful Aging: Does It 'Appeal More than It Illuminates?'" *The Gerontologist* 55(1):26–33. doi:10.1093/geront/gnu027.
- Khotkina, Zoia. 2013. "'Normal'nyi trudovoi potentsial' i diskriminatsiia po vozrastu." *Narodonaselenie* 3(61):27–37.

- Klepikova, Ekaterina, and Marina Kolosnitsyna. 2017. "Eidzhizm na rossiiskom rynke truda: Diskriminatsiia v zarabotnoi plate." *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta* 15(1):69–88. doi:10.21638/11701/spbu18.2017.104.
- Kolpina, Lola. 2015. "Gerontologicheskii eidzhizm v praktikakh meditsinskogo i sotsial'nogo obsluzhivaniia naseleniia." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 5:72–77.
- Laslett, Peter. 1989. *A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Laws, Glenda. 1995. "Understanding Ageism: Lessons from Feminism and Postmodernism." *The Gerontologist* 35(1):112–118.
- Laz, Cheryl. 2003. "Age Embodied." *Journal of Aging Studies* 17(4):503–519.
- Leboeuf, Celine. 2016. "The Social Constitution of the Body: Bodily Alienation and Bodily Integrity." PhD dissertation, Department of Philosophy, Harvard University.
- Lemish, Vera. 2015. "Obraz pozhilogo i starogo cheloveka v predstavleniakh vzroslykh 20–39 let." *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* 3/1(87):64–69. doi:10.14258/izvasu(2015)3.1-11.
- McHugh, Kevin. 2000. "The 'Ageless Self'? Emplacement of Identities in Sun Belt Retirement Communities." *Journal of Aging Studies* 14(1):103–115.
- Miles, Matthew B., and Michael Huberman. 1994. *Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Nizamova, Aliia. 2016. "Aktivnoe dolgoletie i vneshnii vid: Kak teoreticheskaia kontseptsiiia reguliruet samovospriiatie v starshem vozraste?" *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 14(4):569–582.
- Oberg, Peter. 1996. "The Absent Body: A Social Gerontological Paradox." *Ageing & Society* 16(6):701–719.
- Phillipson, Chris, and Alan Walker, eds. 1986. *Ageing and Social Policy: A Critical Assessment*. London: Gower.
- Popova, Larisa, and Elena Zorina. 2017. *Vozrastnaia diskriminatsiia v rossiiskom obshchestve*. Syktyvkar, Russia: OOO "Komi respublikanskaia tipografiia."
- Richards, Naomi, Lorna Warren, and Merryn Gott. 2012. "The Challenge of Creating 'Alternative' Images of Ageing: Lessons from a Project with Older Women." *Journal of Aging Studies* 26(1): 65–78. doi:10.1016/j.jaging.2011.08.001.
- Rogozin, Dmitrii, and Anna Ipatova, eds. 2016. *Starikam tut mesto: Sotsial'noe osmyslenie stareniiia*. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Schaie, Klaus Warner, and W. Andrew Achenbaum, eds. 1993. *Societal Impact on Aging: Historical Perspectives*. New York: Springer.
- Smirnova, Tatiana. 2008. "Pozhilye liudi: Stereotipnyi obraz i sotsial'naia distantsiia." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 8:49–55.
- Sontag, Susan. 1972. "The Double Standard of Ageing." Pp. 72–80 in *An Ageing Population: A Reader and Sourcebook*, ed. by Vida Carver and Penny Liddiard. Milton Keynes, UK: Open University Press.
- Tagarov, Bato. 2019. "Informatsionnye prichiny eidzhizma na rynke truda." *Ekonomika truda* 6(1):1–12. doi:10.18334/et.6.1.39701.
- Taylor, Steven J., and Robert R. Bogdan. 1984. *Introduction to Qualitative Research Methods: The Search for Meanings*. 2nd ed. New York: Wiley.
- Tulle-Winton, Emmanuelle. 2000. "Old Bodies." Pp. 64–83 in *The Body, Culture and Society: An Introduction*, ed. by Philip Hancock, Bill Hughes, Elizabeth Jagger, Kevin Paterson, Rachel Russell, Emmanuelle Tulle-Winton, and Melissa Tyler. Buckingham, UK: Open University Press.
- Twigg, Julia. 2000. "Carework as a Form of Bodywork." *Ageing & Society* 20(4):389–411.
- Twigg, Julia. 2004. "The Body, Gender, and Age: Feminist Insights in Social Gerontology." *Journal of Aging Studies* 18(1):59–73.
- Twigg, Julia, and Wendy Martin. 2014. "The Challenge of Cultural Gerontology." *The Gerontologist* 55(3):21–34. doi:10.1093/geront/gnu061.

- Twigg, Julia, and Wendy Martin, eds. 2015. *The Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. London: Routledge.
- Williams, Simon, and Gillian Bendelow 1998. *The Lived Body: Sociological Themes, Embodied Issues*. London: Routledge.
- Wilson, Gail. 2000. *Understanding Old Age*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Woodward, Kathleen. 1991. *Aging and Its Discontents: Freud and Other Fictions*. Bloomington: Indiana University Press.
- Woodward, Kathleen, ed. 1999. *Figuring Age: Women, Bodies, Generations*. Bloomington: Indiana University Press.
- Zabelina, Olga. 2018. "Osobennosti zaniatosti i problemy trudoustroistva lits starshikh vozrastnykh grupp na rossiiskom rynke truda." *Ekonomika truda* 5(1):165–176. doi:10.18334/et.5.1.38874.